

ДНЕВНИК НЕДАЛЁКОГО БУДУЩЕГО

МАКРЕН РОЗЕНТАЛЬ

БУДУЩЕЕ УЖЕ ЗДЕСЬ.
ПРОСТО ОНО НЕ РАВНОМЕРНО РАСПРЕДЕЛЕНО.

18+

Makren Rozental

Дневник недалёкого будущего

«Автор»

2026

Rozental M.

Дневник недалёкого будущего / М. Rozental — «Автор», 2026

Мир после Потопа. Человечество живёт в гигантских плавучих городах, где каждому с рождения вживляют чип, подавляющий эмоции, память и свободу воли. Макрен Розенталь — обычный офисный работник с верхних этажей. Его жизнь кажется идеальной, пока встреча с загадочным профессором Филиппом не раскрывает страшную правду: воспоминания подделаны, чувства запрограммированы, а весь мир находится под контролем корпораций. Оказавшись среди людей, сумевших освободиться от власти чипов, Макрен вступает в борьбу против системы. Но чем ближе он подходит к истине, тем сильнее понимает: главный враг может скрываться не только снаружи, но и в его собственном прошлом. «Дневник недалёкого будущего» — антиутопия о памяти, свободе и цене человеческой личности.

© Rozental M., 2026

© Автор, 2026

Makren Rozental

Дневник недалёкого будущего

Предисловие

Мы всегда включаем свет, только когда уже натыкаемся на стены в темноте. Так было с электричеством, с атомом, с генной модификацией. Я не против прогресса — я первый встречаю новое с распростёртыми объятиями. Но потом, когда новизна оседает пылью на повседневности, я замечаю, что эти объятия чаще всего оказываются удавкой.

Вот и сейчас — мы стоим на пороге очередного прыжка. И я, как и все, уже чувствую, как он дышит нам в затылок. Вопрос только в том, что именно мы отбросим, перешагивая.

Глава 1 — Ум и разум

Нейролансер в ухе противно пискнул: «08:00 — время вставать». Вместе с этим в голове раздался звон — будто тысяча мух одновременно врезалась в стекло и затихла.

Я лежал, притворяясь, что меня нет. Полудрёма — лучшее убежище, когда не хочется начинать день.

— 08:10. Пора вставать, — пропело уже с лёгкой угрозой.

Я мысленно обозвал её «портативным, компактным, лучшим суперкомпьютерным дерьмом». Она ответила мгновенно: напомнила, что тело дано мне не для того, чтобы я в нём отлёживался, и что если я сейчас же не поднимусь и не отправлюсь на станцию, она без особого труда возьмёт управление на себя. Ради этого даже не придётся напрягаться — достаточно чипа в моём затылке.

— А если захочет, — добавила она уже почти весело, — подыщем телу новых хозяев среди «субъектов». Так она называла людей.

Я знал, что пока это просто слова. Но знал и то, что слова эти могут стать реальностью в любую секунду.

— Сегодня наш план, — она всегда говорила «наш», словно мы были одним целым, — включает: отработка восьми часов на станции Neirolans, проверка ПО в пункте Шифрона и посещение шествия на бульваре Великих Достижений. — Она замолчала на секунду, словно хотела добавить что-то ещё, но передумала.

Я снова повторил про себя: «Никому, кроме меня, моё время не нужно». Ирония в том, что к концу дня меня неизменно накрывало всепоглощающее чувство удовлетворения. Словно кто-то включал в моём мозгу нужный рычажок. Я не знаю, как это работает. Но догадываюсь.

Я подчинился. Встал, привёл себя в порядок, позавтракал. Еда была пресной — соя с перцем, которую щедро именовали «витаминизированным рационом». Другой я позволить себе пока не мог.

После завтрака меня вырвало. Не столько от вкуса — он был просто отвратительным, — сколько от того, что я забыл оплатить вкусовой пакет. Теперь еда снова стала тем, чем была на самом деле: химической смесью, маскирующей пустоту. Я жил на верхних этажах, почти у вершины пищевой цепи, но счастья там не нашёл.

Я побрёл в офис в состоянии, которое можно было назвать только одним словом — пустота. Я работал в отделе развития, но жизнь моя не развивалась. Я даже не завидовал тем, кто ниже, — мне было их просто жаль. Единственное, чего я ждал, — это вечернего прилива искусственного счастья.

Я поймал первый попавшийся клиомобиль, оплатил комфорт и безопасный маршрут — всё через тот же чип. Заодно оплатил обратную дорогу. Хорошо, что у меня ещё оставались кредиты. Я отметил точку, где меня забрать.

Клио взмыло, и я увидел вывеску родного офиса. Она висела между небоскрёбами, знающая до боли. Почему-то она всегда меня успокаивала, нащёптывала, что я там, где надо. В детстве я любил смотреть на неё.

«Свобода! Мир! Равенство! — Neirolans INC». Трёхмерная, переливающаяся, она манила в свой цифровой рай. Казалось, протяни руку — и ты уже внутри.

Клио опустилось. С маркера списались социальные кредиты. Я вышел и зашагал к проходной.

— Время пошло, — прошелестел голос в ухе. Рабочий день начался.

Лифты были переполнены, поэтому я пошёл пешком — или, может быть, просто хотел украсть у рабочего дня несколько минут тишины. Я поднимался по лестнице и смотрел на Город. Солнце билось в стёкла небоскрёбов, отражалось, рассеивалось, слепило до рези в глазах. Город казался гигантским алмазом, наполовину ушедшим в воду.

В ухе завибрировало. Запрос на удалённый доступ. Аватар обрисовал знакомый контур — Рекхэм. Мы вместе прошли распределительный центр. С тех пор он числился в моих «искусственно сформированных друзьях».

— Уже девять, — сказал Рекхэм. — Хватит бродить. Для руководства сделали отдельный лифт, а ты всё пешком и пешком, и глазеешь на это стеклянное убожество.

— Связь открытая, Рекхэм. Поаккуратнее со словами.

— Какая разница? Я как раскрытая книга. В любой момент могут заглянуть. Могут даже ослепить меня — и тогда моя еда станет стеклом. Только и всего.

— А ты почему интересуешься, где я? Странно, что ты сам не на месте. Что-то случилось? — я перевёл взгляд вниз, на нижний город. Там снова стреляли. Два тела уже упали на платформу. Естественный отбор. У них с едой всё ещё жёстче — дефицит создают специально, чтобы рос спрос. Раз в полгода им раздают оружие — наше оружие, мы же и производим. Они выясняют, кто достоин места в этом мире, а кто должен уйти. Я когда-то называл это новогодней традицией. Чужая беда не чувствуется, если она не твоя. А я человеколюбием никогда не отличался.

— Ты тоже смотришь на них? — неожиданно спросил Рекхэм.

— Да. А ты что, не подключился? Может, выйду в эфир?

— Нет. Своими глазами интереснее.

— С этим не поспоришь.

— Никогда не хотел спуститься туда? Пожить их жизнью?

— Не возникало. Да и вряд ли я там долго протяну. — честно ответил я.

— А я однажды хотел. Но не решился. Как выйти из клио с его восемнадцатью вкусами воды в этот «настоящий» мир? Это как разбежаться и удариться головой о стену. Результат будет, но только на лице.

— Ты сегодня ещё более жизнерадостный, чем обычно. Что случилось?

— Всё как обычно. Кредиты кончились, нечем разукрасить реальность. Смотрю на них сверху и думаю: может, в розовых очках они бы выглядели иначе? — Он описал мою сегодняшнюю проблему слово в слово.

— Вряд ли брызги крови стали бы для тебя томатной пастой. Даже визуальные пакеты такого не включают. Такое не развидишь. Мы все знаем об этой традиции, но не готовы её принять. А когда она стучится в наш мирок — мы затыкаем уши и прячемся под одеяло. Да...

— А я забыл, зачем звонил. — Рекхэм понизил голос. — Кто-то фальсифицировал импланты. И, кажется, сам же сообщил об утечке. Корпорация могла бы просто подключиться к ним, но перепрошитые чипы не читаются. Проблему передали в Шифрон. Скоро вся свора будет здесь. По офису уже ходят ребята из Агентотдела и ведомые с ними. Говорят, проверяют качество имплантов. Но похоже, кого-то ищут.

— Кого? — перебил я.

— Чёрт их знает. Очередной конфликт интересов. Забавно, что об утечке уже кто-то сообщил. Дроны кружат над офисом. Акционеры рвут на себе волосы. Согласись, зрелище прекрасное.

— Да. Только расхлёбывать опять нам. И ничего с этого не имеем. Хотя, надо признать, способ обвалить акции — идеальный.

— Всегда так было. Просто рабство теперь стало более обширным. Ладно, ко мне идут. Пока! — Рекхэм отключился. Он сказал это слишком равнодушно, словно прописную истину, с которой давно смирился. Но у него был плюс — он не боялся говорить.

Я поднялся на пару этажей. Там царил разбушевавшийся хаос. Ведомые крушили столы — искали что-то ценное. Сотрудник Агентотдела успокаивал секретаршу, хотя она уже давно сидела на сертралине. Двое его коллег допрашивали моего начальника, Коуэла. Он понятия не имел, что от него хотят. Похоже, корпорацию впервые подвёл «интернет вещей» — её невидимым активам угрожал воображаемый упадок.

Коуэл сидел в своём кресле и повторял: «Нет», «не слышал», «не знаю». Хотя все понимали — они уже просмотрели записи с его импланта за последние два года.

На голографическом экране уже крутили новости. Репортёрша с приятным голосом вещала: «Сегодня в одном из офисов Neirolans зафиксирована массовая фальсификация головных имплантов. По словам генерального директора, неизвестные воздействовали на ПО устройств. Обстоятельства выясняются. Не переключайтесь! Далее в программе...»

Среди этого парада акционерного ужаса я заметил Рекхэма. Он даже не пытался скрыть ехидную улыбку. Неудивительно — завтра можно не приходить. Акции падали. Никто не сомневался, что утечка была искусственной: мы бы решили проблему изнутри, но теперь, когда о ней сообщили, хлебнут все.

— Предприятие рушится, а мы улыбаемся, — попытался я спародировать Коуэла. Вышло чересчур надменно, совсем не в его стиле. Рекхэм догадался мгновенно.

— Начальника показывают и там, и тут, — отшутился он.

— Офис трещит по швам.

— А мне нравится. Может, хотя бы отгулы дадут. — Рекхэм снова посмотрел вниз. Перестрелка уже стихла. Внизу было тихо. Для них всё кончилось. Интересно, связаны ли их смерти с падением акций? Отвечу честно — напрямую.

— Ладно, пойду гляну на Коуэла, — сказал я. Мы разошлись — к нам как раз направлялся один из Агентотдела. Он явно хотел расспросить нас, выудить подробности, найти того, кого можно объявить шпионом или террористом. Главное — остановить падение бумаг.

Я прошёл глубже в офис и увидел Коуэла. Он был красный, почти багровый. Даже сквозь стены из закалённого стекла от него исходило напряжение — оно витало по всему этажу, пропитывая каждый вдох. Вот что происходит, когда перестаёшь смотреть чужими глазами: иллюзия контроля рушится.

— Как дела? — спросил я, даже не пытаясь изобразить беспокойство.

— Пока не родил! — ответил он с нервной визгливой ноткой. Дело было серьёзным. Если сюда пришли лично — значит, серьёзным.

— Ты понял, что произошло? — Он повернулся на кресле полубоком, чтобы подчинённые не видели и не слышали. Хотя агентам всё было прозрачно.

— Произошло то, что впервые в новостях не соврали. — Он кивнул на голографический экран в конференц-зале. Девушка с миловидным лицом и приятным голосом что-то вещала, а под ней красным пестрил заголовок: «Утечка в офисе развития Neirolans». Через мгновение показали съёмку с дрона — он кружил вокруг зданий, залетел за наше окно и исчез.

Уверен, будь окно открыто — он бы влетел прямо в кабинет. Лишь бы вырвать свежий материал для тех, кто его купил. Не понимаю, зачем крушить офис, если можно просто заглянуть нам в головы. Бессмысленные варварские методы.

Забавно. О перестрелке внизу — ни слова. Зато крах акционеров — настоящая беда. Ну конечно.

— Скоро ещё прилетят, — сказал Коуэл и налил себе утреннюю порцию «кофейной воды». Обычная вода со вкусом кофе. Надо же было до такого додуматься. Когда-то я даже не знал, что такое бывает — на верхних этажах об этом не говорят вслух. Он, видимо, оплатил вкусовые пакеты на год вперёд. Хотя в чём-то он прав — чтобы не сойти с ума, надо употреблять всё, что попадает под руку.

— Я знаю, что это неуместно, но можешь объяснить, что происходит? — спросил я, делая вид, что Рекхэм мне ничего не рассказал. На самом деле я всё знал, но хотел услышать версию Коуэла. К тому же он любил чувствовать себя умнее подчинённых — это льстило ему. Главный способ понравиться хозяину — быть хуже его, особенно в его собственных глазах.

— Происходит то, что кто-то перепрошил мозговые импланты. И теперь сам носит такой. Но это полбеды. Этот кто-то запустил часть чипов в оборот. Ничтожное количество, но он отправил их в какое-то отдалённое место — и они перестали числиться существующими. Мы не можем отследить ни их, ни отправителя. А самое ужасное — акционеры уже прознали и начинают беспокоиться о дивидендах.

Коуэла пытались вывести в эфир каждую секунду — я видел, как бегали его зрачки. К нему уже подключились удалённо, искали ошибки. Но их не было. Не он угрожал дивидендам — кто-то другой.

— И где они сейчас? На нижних этажах? — продолжал я прикидываться дурачком. Это его забавляло. Умные люди любят чувствовать себя умнее других, особенно когда это подтверждается.

— Может, на Нижних, может, на отдалённом клочке земли. Они могут быть где угодно. Да и чёрт бы с ними — самое страшное, что об этом уже узнали! — Коуэл уже пришёл в себя. Лицо снова стало орехового цвета, в глазах — привычная начальственная жесть. Такой взгляд бывает у человека, который уже ничему не удивляется.

Несмотря на опыт, ум его старил только тело. На фоне остальных он выделялся — с каждым годом всё чаще задумывался, там ли он, где должен быть. Так думают те, за кого решили, как прожить жизнь. Признаюсь, я один из них.

Стеклянная дверь со скрежетом распахнулась — отдел ввалился с новым допросом. Видно было, что давно никого лично не допрашивали, хватку подрастеряли. Доказательств фальсификации они так и не получили — вернулись за новой порцией «не знаю». Коуэл взглядом предложил мне выйти.

Кто мог такое проверить? Нужно иметь множество связей прямо в офисе. И быть уверенным в каждом. А уверенность стоит денег — особенно если учесть, через сколько рук проходит каждый имплант. Сумма наверняка вышла кругленькая.

Я пошёл в туалет, поглядывая по сторонам на царивший хаос. И тут меня снова скрутило — я ускорил шаг, проклиная себя за то, что не отложил кредитов на вкусовой пакет.

В кабинке, уже наладив зрительный контакт с унитазом, я услышал обрывки речи — кто-то начинал говорить и резко замолкал. Мне показалось, человек переговаривался сам с собой и пытался что-то спрятать. И тут до меня дошло: я понял, из-за кого весь сыр-бор. Но почему он всё ещё здесь? Или это проверка? Симуляция? Проверка меня на антиобщественность? Надо пойти и доложить.

Тот, кто был в соседней кабинке, не мог найти места. Он опустил на четвереньки и легонько катнул мне под дверь маленькую бархатную коробочку. Я оцепенел.

— Не смотри на коробку, — донёсся едва различимый шёпот. Словно это могло помочь. Мой пульс взлетел — где-то под землёй или в небоскрёбе уже зафиксировали этот скачок. Я уже был под надзором.

Кто-то зашёл. Мы затихли на пару минут. За эти две минуты я пережил спектр эмоций, который не испытывал за целый год. Даже успокоительные из пищевых пайков не помогали. Странно, почему он думал, что я не сдам его? Позже я понял.

Ладони вспотели. Руки дрожали, казались тряпичными. Линия пульса — вниз, вверх. Обо мне уже докладывают. Я объект интереса. Кто-то смотрит на график и решает, что со мной делать. Ответ очевиден.

— Так вот, — снова начал он, уже не шёпотом, а в полный голос, — теперь эта коробка с мембраной — самое дорогое, что у тебя есть. Мембраны использовались для переноса информации. Их делали на основе специальных клеток, способных хранить данные. Информационная революция. Правда, технология не была общедоступной.

— Почему ты решил, что я соглашусь на этот бред? — перебил я.

— Ты всё поймёшь. Простокрепи мембрану. Когда прилепишь — тогда и поймёшь. — В его голосе прорезались нотки старческого баса. Я узнал его мгновенно — публичные речи сделали этот голос знакомым. Филипп. Член совета директоров по развитию. Мой коллега, с которым я почти не виделся — слишком важный человек.

— И с чего ты взял, что я буду это делать? — Он не ответил, только повторил: — Прилепи незаметно. Не смотри на неё, пока не закрепíš на виске. — Почему он? Почему я? Ответа не было.

Странно было оказаться в этой ситуации именно с Филиппом. Он был умён, развит, возможно, даже читал книги. Все знали, что он на своём месте — и он сам это знал. Но удовольствия это ему не доставляло. Я понял это сейчас, когда увидел его настоящего.

Дверь хлопнула. Я остался один. Я сидел, не в силах взглянуть на бархатную коробочку. Еле-еле, на ощупь, приоткрыл её. Внутри лежала маленькая карта — как и говорил Филипп. Наступил момент оцепенения: ты знаешь, что решишься, но не сейчас. С другой стороны — провести жизнь в офисе, работая на чужие интересы, заманчивым не казалось. Если я продолжу бездействовать — ничего не изменится. Впервые у меня появился шанс. Шанс не волочить этот груз дальше. Да, по сравнению с людьми внизу я могу считаться счастливым — но что в этом счастье?

В уборную вошли ведомые. Я понял, кого они ищут — меня выдали скачки пульса. Они направились ко мне. Одну за другой выбивали двери кабинок — не потому что не знали, где я, а чтобы напугать. Когда дошли до моей, дверь вылетела мне навстречу. Силы у них было с избытком — пары ударов хватило бы, чтобы убить. Один из них схватил меня и швырнул в стену. Их визитная карточка — насилие, смешанное с унижением. Я остался у стены. Пару секунд они просто смотрели на меня.

Мёртвыми руками я открыл коробку. За секунды, дрожащими пальцами, достал маленькую металлическую карту. Поднёс к виску — и в последний момент понял: я прохожу точку невозврата. Ведомый замахнулся. Ещё миг — и его кулак встретится с моим лицом. Я зажмурился и прилепил карту к виску. Этого должно было быть достаточно.

Перед глазами всплыла табличка: «Распознавание». Чип считал мембрану — и в голове раздался треск. Потом на несколько секунд наступила темнота. Когда зрение вернулось, ведомых уже не было. Имплант решил, что калибровка важнее сигналов зрительного нерва. Ведомые исчезли, как страшный сон. Они оказались лишь искусственным фактором, который заставил меня вставить чип. Я понял это сразу.

Когда всё пришло в норму, я встал, прошёлся. Двери были целы. На стене — ни царапины. Я отлип от неё с усилием. Зачем-то взглянул в зеркало и остолбенел. Я не был похож на себя утреннего. Мне казалось, я ещё молод — мне всего двадцать семь. Но из зеркала смотрел молодой старик: седина на висках, мешки под глазами, морщины. Я успокоил себя: это очередная галлюцинация Филиппа. Мне не хотелось смотреть на себя настоящего. Я вышел. Обманите меня — я обманываться рад.

Как ни странно, Филипп ждал меня за дверью. Люди словно не замечали его. Я попытался позвать ведомых — но рот меня не слушался.

— Вот теперь ты видишь, — многозначительно сказал он.

— Что? — спросил я, сам не ожидая. Рот снова слушался.

— Конкретно — не могу. Но по крайней мере это правда. — Он жестом предложил следовать за ним.

— Что это было?

— Проявление твоей неспособности решать. Поэтому я взял ответственность на себя. Ты не против — просто пока не понял этого.

Я больше не возражал. Он, казалось, не заботился о том, схватят ли его, раскроет ли кто-то, или сдаст кто-то из истеричных коллег — одним из которых был я. Таких, как я, готовых сказать что угодно, лишь бы сохранить место. Он один в офисе не боялся, что его прочитают и придут за ним. Или за ним не придут?

Мы шли по коридору. Окружающие нас не замечали — смотрели сквозь. Признаюсь, мне это нравилось. Почему — я ещё не знал.

— Они нас видят? — спросил я.

— Частично... — туманно ответил он.

— На сколько?

В этот момент один из работников словно попытался пройти сквозь нас. Мы обогнули его и пошли дальше.

— Для них ты существуешь, но гораздо менее заметно, чем раньше. Они не устанавливают с тобой зрительный контакт. Но ты можешь сделать это сам — просто обратись к кому-нибудь. Если не поможет — используй тактильный контакт: поздоровайся или положи руку на плечо.

Дальше мы шли молча. Когда подошли к лифту — он был битком набит. Я понял, что путешествие окончено.

— Но как это на них повлияло? Это твоя мембрана. Их чипы же исправны? — Он не ответил, задал встречный вопрос.

— Как думаешь, почему именно ты? Тысячи таких же здесь, но со мной сейчас ты. Что в тебе особенного? Когда ответишь — я объясню. Хотя к тому моменту ты и сам разберёшься.

Я, как любой социопат, старался избегать людей. Предложил пойти пешком. Он сказал, что незачем, и зашёл в лифт.

Заходя в лифт, он коснулся почти каждого — кого боком, кого рукавом, с некоторыми поздоровался. Люди от него буквально отпрыгивали. Он был приветлив, но улыбка его была скорее язвительной. Может, коллеги это замечали. А может, это был эффект от мембраны — той, что он только что дал мне и уже носил сам.

Когда ритуал закончился, мы оказались в центре лифта. Он тронулся вниз — на секунду подарив ощущение невесомости. И только тогда я заметил: вокруг нас образовалась мёртвая зона. Никто не решался вступить в неё. Людей отталкивало то, чего они не понимали — беспочвенный оптимизм, смешанный с дружелюбием старого сатирика. На нас не бросали даже взглядов. Толпа просто обтекала нас, как вода камень.

— Как вы это сделали? — едва слышно спросил я.

— Потом сам поймёшь. И мы теперь не в офисе — давай на «ты». — Он говорил в полный голос. Его было слышно, его было видно, но никто не оборачивался.

Табло показало: 36-й этаж. Мы покинули лифт, прошли к автоматическим дверям и вырвались на воздух — чистый, свежий. Впервые улица не отталкивала, не раздражала. Она успокаивала.

Тишина. Я впервые её испытал. Всеобъемлющая — она накатывала и отступала, не утомляя и не заставляя грустить. Спокойствие. Впервые я был один, но не одинок. Впервые я знал

себя. Мог заговорить с собой обо всём. Был один — и не совсем один. Словно что-то во мне треснуло.

— Наслаждайся этим. Теперь ты свободен. — Сказал Филипп. Удивительное ощущение, о котором я почти забыл. Мне словно вернули часть себя.

— Что ты сделал? — снова спросил я.

— Позволил тебе снова увидеть бытие своими глазами. Я свяжусь с тобой. А пока — осваивайся, отдохни, прогуляйся. Смена на станции для тебя считается отработанной. — Он отшатнулся, вышел из поля зрения и исчез так же внезапно, как появился. Я по-детски вдохнул — всё казалось другим.

Глава 2 — Искра

Шествие уже шло полным ходом, но я не спешил. Обычно на параде технических достижений историю показывали по порядку: от молнии и огня — к собирательству и охоте, от первобытных орудий — к литью металлов, от колеса — к клиомобилю, от первых электродов в черепе — к современным чипам. Всё чинно, логично, безлико.

Я протискивался сквозь толпу и заметил странное: люди шарахались от меня, расступались, будто я был заражен. Несколько минут назад я хотел спросить Филиппа, почему так происходит. Теперь я сам был этим парадоксом.

Сейчас на платформе демонстрировали бионические маркеры — их вшивали под кожу специальным шприц-пистолетом. Они отслеживали температуру, давление, пульс, состав крови. Позже эти устройства стали универсальным ошейником для каждого члена общества.

За ними — автопилотируемые машины, бионические роботы, нанотехнологии, головные импланты последнего поколения. Их принцип был прост: инертный газ, изобретённый нейро-сетью, взаимодействовал с азотом, и машина могла двигаться в любом направлении, взлетая на волнах раскалённого воздуха.

Парад давил. Я вдруг остро понял: мы служим технологиям, а не они нам. Мы обслуживаем их, своим трудом обеспечиваем их работу. Мне захотелось уйти. Мысли гнали прочь: человеческая жизнь — песчинка на фоне небоскрёбов, закрывающих солнце, корпораций, которые тратят людей как разменную монету, бесконечных прорывов и вечных хлопот.

Я решил идти домой. Запереться и отдохнуть от всего. Лифт поднял меня на пятидесятый этаж. Я приложил ладонь с биомаркером к сенсору — дверь открылась. На этаже ни души. Тишина.

Я не знал, кто ждёт меня внутри — Филипп или Агентотдел. На верхних этажах всегда полупусто. Почти никто не мог позволить себе жить здесь — но я мог. У меня была моя капсула, с которой я мог смотреть вниз, осуждать и тихо ненавидеть. Далеко. Тихо. Безмятежно.

И тут я понял: мне страшно. Первобытное чувство, которое я почти забыл — спасибо этому дню, оно вернулось. Страх нахлынул, хотел утопить. Я бездумно толкнул дверь и вошёл, лишь бы это чувство не покидало меня.

Комната была пуста. Окно открыто — в ней пахло морем, свежестью и сыростью.

На стеклянном столике лежал пакет из плотной бумаги — такой я не видел давно, все упаковки теперь были гелевые или надувные. К пакету была приколота записка: «Теперь ты ешь только то, что я приношу. Буду приходить раз в три дня. На работу можешь не ходить». Подпись — «Мистер Ф».

Я разорвал пакет. Из него пахло пряностями — настоящими, живыми. Внутри лежали две огромные вяленые рыбины на горбушках свежего хлеба. Рядом — спрессованный блок травы. Чай. Я понял это не сразу — помогла открытка на дне. Кривым, торопливым почерком, явно не Филиппа: «Чай. Раздоби. Вскипяти на горелке». Чуть ниже — приписка, уже знакомым аккуратным почерком: «Воду кипяти на горелке. Накипь снимай. Если есть чем — процеживай».

Меня гипнотически притягивал чай. Я раздолбил ножом спрессованный блок, часть оставил на потом, налил воду в кружку и поставил на горелку. Других способов вскипятить воду у меня не было.

Вода закипела. Накипь поднималась едкая, с запахом уксуса и хлорки. Когда я снимал её, она шипела и разбрызгивалась. Пена превращалась в газ, и в квартире стало нечем дышать. Я распахнул все окна.

Я вскипятил воды с запасом — на несколько дней. Повторять этот ритуал не выдержал бы ни я, ни моя квартира.

Я бросил кусочек блока в кружку. Вода мгновенно позеленела и наполнилась ароматом, который за секунды развеял вонь моей стряпни. Сахарин я не добавлял — кто знает, из чего он сделан и существует ли он вообще.

Я сделал глоток. По телу разлилось спокойствие — я был собран и одновременно ослаблен. Всё, что было до этого, казалось помутнением рассудка. Но тут же меня скрутил спазм. Еле-еле я добежал до уборной — меня вырвало той же зловонной накипью. Вода была очищена, но этого оказалось мало, чтобы вывести из меня всю грязь, копившуюся годами.

Я вернулся к кровати, допил чай до дна — и меня накрыло. Сон пришёл мгновенно, я упал на кровать в одежде и провалился в темноту. Я проспал до самой ночи.

Я проснулся от стука в дверь — соседка, самая противная из всех. Открывать не стал. На улице было темно, где-то на горизонте уже брезжил рассвет. Впервые за год я чувствовал себя бодрым и отдохнувшим. Снова уснуть не пытался — решил пройтись. Комендантский час меня не пугал: я уже понял, что большинство людей меня не замечает, а те, кто замечает, сторонятся.

Я спустился на лифте. Стеклопанель на стене раньше кричала рекламой, теперь она молчала — и я увидел в ней своё отражение. Я выглядел почти живым: глаза посветлели, белки наконец стали действительно белыми.

Лифт качнулся — я приехал. Двери открылись. Мельком взглянув на себя в экран, я заметил, что глаза у меня стеклянно-голубые, выразительные, но словно потухшие.

Я вышел на 24-м этаже. Здесь ещё был Средний город, но до Нижнего уже рукой подать. Место спокойное — можно гулять, не боясь, что ограбят или втянут в историю. Но всё равно тревожно.

Я бродил по коридорам в поисках балкона с хорошим видом. И вдруг услышал звуки. Надо было развернуться и уйти, но я пошёл на них. За углом я увидел двух ведомых. Они ломились в чью-то дверь. Обычная ночная процедура — после таких визитов люди исчезали. Становились ведомыми или... Я не хотел думать, что «или».

Чёрт его знает. Я шмыгнул за угол, но потом понял: если бы они могли меня заметить, они бы уже заметили. А значит, я всё ещё невидим. Я пристроился к косяку, готовый в любой момент скрыться. Сердце колотилось.

Я стал наблюдать. Ведомые постучали — никто не открыл. Неудивительно: человека не разбудишь простым стуком под таким количеством весёлых снов. Один из них выставил руку в перчатке — привод в перчатке гулко ударил в железную дверь, и она вылетела. У всех давно стояли двери с биомаркерами, но не здесь. Ведомые вскрыли бы такую за секунды, но с обычной дверью возились дольше.

Дверь влетела внутрь — начался хаос. Двое грузных мужчин в защитных костюмах, похожих на смесь мотоциклетной брони и средневековых доспехов, выволокли бедолагу. Но он извернулся, достал маленький дамский пистолет и выстрелил в голову одному из ведомых. Тот даже не понял, что произошло, — осел и затих. Второй бросился за беглецом. Топот стих внизу. Я не кинулся помогать — страх опьянял меня, и этот баланс на грани стал одним из самых завораживающих моментов в моей жизни. Я не запомнил лица беглеца — только мелькнуло, что он блондин.

У выстрелов есть странное свойство: ты слышишь только первый, а потом лишь тихое жужжание и язычок пламени. Так и я — оглушённый, смотрел на тело, которое ушло без судорог, без агонии, просто перестало быть.

Я подошёл к телу. Ведомый сидел, прислонившись к стене. Я хотел помочь, но было поздно. Странно — ведомые умирали тише всех: ни крика, ни агонии, просто падали как тряпичные куклы. До прихода СОНПНО — отряда по нейтрализации последствий неудачных операций. Они уберут тело, замоют кровь, и завтра здесь никто не вспомнит о смерти.

Я приподнял его, прислонил к стене, заглянул под стекло шлема — молодой парень, совсем мальчишка. Дальше смотреть не стал. Мне почудились шаги, но это был лишь шум моей собственной крови. Я редко вижу мёртвых, но каждый раз убеждаюсь: мы просто биохимический матрас в кожаной панировке. Набор азота, кислорода и водорода.

Можно ли считать смерть ведомого утратой? Мне почему-то стало досадно. Их трудно было назвать людьми в привычном смысле — они казались механизмами. В основном это были те, кто не смог оплатить налог СИТ — на самостоятельное пользование телом, — и лишился его, став собственностью корпорации и её ИИ. Некоторые агенты добровольно отдавали себя в погоне за повышением. Странно, что я об этом думал. Раньше я не обратил бы внимания на смерть такого инструмента. А теперь я бунтовал — непонятно против кого. Наверное, против самого себя.

По телу прокатилось новое чувство — словно что-то сверкнуло внутри и зажглось. В груди заработали жернова, сердце забилося чаще. Я понял: это ярость. Но не на беглеца, а на стечение обстоятельств, при которых один человек неизбежно должен был выстрелить в другого.

Мне захотелось догнать беглеца, помочь ему обезвредить второго ведомого. Но они были уже далеко. И помогать было поздно. Только сейчас я понял, какой шум мог привлечь этот выстрел. Мои рассуждения были наивны.

Я спустился ещё на три этажа, нашёл крайний балкон. С него открывался вид на океан — как летняя терраса. Я придвинул стул к поручням, сел и достал чай из поилки, которую когда-то притащил с конференции, куда ходил вместо начальника.

Волны бились об угол соседнего здания, разлетались на сотни брызг, насыщая воздух йодом. Город горел огнями — чтобы проплывающие мимо суда не врезались в нас. Капли отражали свет, превращаясь в искры, которые вспыхивали и тут же гасли.

Я сидел и думал обо всём: кто этот блондин, что со мной происходит, о новых чувствах — я тогда даже не смог бы дать им названия. О Филиппе, о людях, которых ценят не больше вещей. О том, почему я раньше этого не замечал.

И снова искра потухает в темноте,

Луна, теперь ты мой ночной корабль,

И реквием гибели не тех сыграл блондин,

Хоть он и душегуб совсем не рьяный.

Виной всему лишь случай,

И темнота вокруг...

Сегодня нас покинул жертва обстоятельств,

Возможно чей-то сын, наверно чей-то друг...

Следующие два дня я провёл в уединении. Впервые я был спокоен, расслаблен, делал только то, что хотел. Я замечал, как меняюсь я, как меняется мой взгляд, а вместе с ним — и всё вокруг. Важно не то, что вас окружает, а то, как вы смотрите.

Глава 3 — Intermedia

Теперь жизнь стала кардинально другой. Она играла совсем другими красками. Я смотрел на море, на закаты и рассветы, и мне казалось, что раньше я видел всё это сквозь мутное стекло. Порой я пытался рисовать — хотя любое творчество было запрещено, правда, не для верхнего города. И у меня даже получалось. Я не знал, есть ли у меня талант, но сам процесс рисования приносил странное успокоение — словно я вытаскивал из себя что-то, что годами лежало под спудом.

В один момент я стал абсолютно невидим для окружающих, а они стали незаметными для меня. Теперь в каждом из них я видел не более чем ведомого — не потому что они были плохими, а потому что их глаза смотрели, но не видели. Как мои глаза смотрели раньше.

Я рисовал обычно по ночам. Меня мучила бессонница — она пришла ещё в офисе, когда я перестал питаться с пищевым автоматом, и теперь никак не отпускала. Я сидел на балконах, самых разных, лишь бы они обеспечили мне тишину и одиночество. И рисовал: то океан, то звёзды, то ночное небо. Иногда я смотрел на свои наброски и не верил, что это сделал я. Будто кто-то другой водил моей рукой.

Через несколько дней, которые я провёл так спокойно, что это уже начинало напоминать медитацию, о себе напомнил Филипп. Честно говоря, я до сих пор думал, что он сдаст меня Агентотделу за фальсификацию имплантов. Но даже если бы это случилось, я был бы благодарен ему за эти три дня. Три дня свободы — больше, чем у многих.

Ночью третьего дня ко мне постучались. Я открыл дверь, приложив ладонь с биомаркером к сенсору. На пороге стоял незнакомый мужчина — сгорбленный, словно от постоянной тяжести на плечах, лет сорока-пятидесяти, с хрипловатым голосом. Он немного невнятно произнёс:

— Вам посылка от мистера Ф. Он велел так сказать.

В руках он держал пошарпанный кейс, который, видимо, прослужил долгие годы. Я взял его, дал мужчине чаевые и отправил восвояси. Почему-то мне было его жаль. Хотя, если честно, в его лице я жалел себя. Ещё одна неотделимая черта человеческой личности — эгоизм. Чужая боль не чувствуется, пока она не становится твоей.

Я грохнул кейс на стеклянный столик, удобно перед ним расположился и распахнул крышку. Она податливо открылась, показав содержимое. Внутри была целая тьма книг. Я быстро пролистал все: тут были книги по словесности, по математике, по географии, очень много художественной литературы — в основном либеральной, как говорили в распределительном центре. Даже была информатика, запрещённая для свободного изучения ещё тридцать лет назад. И вся эта мудрость была ещё не испорчена цензурой диктата.

Я помню, как на несколько часов просто сел и читал без остановки. Не мог оторваться от очарования прошлого, которое не было обработано и приглагожено настоящим. Я читал Достоевского и чувствовал, как его слова резонируют с тем, что я видел каждый день. Я читал Замятина и узнавал Город в его образах. Я читал Хаксли и понимал, что мы живём в мире, который он предсказал с пугающей точностью. Каждая книга была как окно в другую реальность — и я с жадностью заглядывал в каждое.

Когда я достал все книги из кейса, я увидел экранную панель на его дне. Ничего умнее, кроме как приложить руку, я не придумал. Видимо, на это Филипп и надеялся: крышка тут же поддалась и открылась. Внутри лежала папка, а на ней листок с надписью: «Обязательно для ознакомления».

Я распахнул папку. Внутри лежали кредитные чипы. Наличность была полностью упразднена и вытеснена цифровыми деньгами — они казались безопаснее для владельца, его не могли

огрбить на улице, но зато легко могли обобрать в банке. Счёт могли заморозить, а затем забрать весь актив. Одно лишь ощущение финансовой небезопасности делало людей куда более покладистыми. И теперь банк получал процент с любой транзакции.

Рядом с чипами лежала чья-то фотография. В ней я узнал вчерашнего блондина. Он был очень молод, но что-то стёрло ребячливость с его лица раз и навсегда. Видно было, что он пользовался успехом в женском обществе — он обладал мужской красотой, но не резкой, будто сошёл с одного из нордских сказаний. Одно лишь портило его: странное бельмо на глазу, явно появившееся в результате хирургических вмешательств.

На обратной стороне фотографии было написано ровным и аккуратным почерком, сразу выдававшим Филиппа:

«Мы со вчерашнего дня не можем связаться с одним из наших. В коробке ты увидишь магнитную карту, она будет лежать рядом с кредитными чипами. Приложи к виску и скопируй данные. Имплант сразу настроится на частоты биомаркера, так ты сможешь найти одного из наших. Я понимаю, что ещё рано и ты, возможно, ещё не освоился, но более удачного шанса проявить себя у тебя может и не быть.

P.S. Выходить лучше после заката.

Организация»

Я тут же вернулся к чипам и нашёл среди них коробочку, похожую на ту, что он дал мне при первой встрече. Внутри лежал матово-чёрный металлический кругляш. Я приложил его к виску. Он сразу же попросил разрешить копирование, я разрешил. Процедура шла недолго — секунд пятнадцать. Когда она закончилась, я тут же получил координаты маркера блондина. Некий Билли находился на несколько этажей ниже меня.

Солнце пока ещё не село, поэтому я снова принялся за книги. Времени было около трёх часов до заката. Я взялся за информатику. За это время я обнаружил у себя огромные пробелы в знаниях. Я плохо знал математику, словесность, вообще не знал информатику. Эта наука считалась забытой с того момента, как нейросеть начала обслуживать себя сама. Но я читал, вникал, пытался понять системы счисления, алгоритмы, логику. И постепенно картинка начала складываться. Мой мозг, освобождённый от чипа, жадно впитывал новое. Я чувствовал, как нейронные связи — те, что годами были подавлены, — начинали прорастать заново.

Солнце садилось. Пора было выходить.

Город погрузился в темноту. Я отправился выполнять поручение Филиппа. Для меня не всё до конца было ясно, но я согласился и пошёл. Странно было, что этому блондину нужна была помощь — он уже вчера оказал сопротивление и наверняка сбежал, по крайней мере я так думал.

Всё равно к прошлой жизни я вернуться не мог. Я накинул самое простое и потёртое пальто, какое у меня было, и отправился в Нижний Город, куда меня направлял диск на виске. Я уже представлял себя заголовком завтрашних новостей: что-то вроде «Офисный работник пропал на нижних этажах» или «Жертва неудачного ограбления». Для защиты я прихватил с собой старый кухонный нож, хотя это было больше похоже на самоуспокоение. У того лезвие было безопасное — сделано в целях предотвращения самоубийств. Оружия у меня не было, как и у любого другого: после Потопа его изымали, якобы в мирных целях, но держали в больших количествах на нижних этажах, и я уже знал для чего. Поговаривали, что им вооружили новую регулярную армию, но этого знать я не мог.

По указанию биомаркера я спустился на восьмой этаж. Я ожидал встретить кого-нибудь в лифте — может быть, даже кого-то знакомого, — но все тридцать этажей я проехал в одиночестве. Все боялись выходить после заката. И правильно делали: беду не находит тот, кто не ищет.

Когда я приехал, я стал блуждать по этажу в поисках нужного места. По дороге я насмотрелся на всё очарование нижних этажей. Здесь было всё и одновременно ничего: отдалённое напоминание игральных заведений, свой игорный дом, даже квартал красных фонарей. Город

здесь жил круглосуточно. Среди тех, кто проводил здесь время, было даже много высокопоставленных лиц, но отдых здесь был более чем персональным.

Меня сразу же заметили. Как любого нового человека, меня принялись со всеми знакомить и предлагать услуги. Проблема была только в том, что большую часть этих людей я уже знал из своей повседневной жизни или с работы.

Наконец, не без чужой помощи, я нашёл нужную квартиру. После заветного «Вы достигли точки назначения» внутрь меня втащили пара рук. Я хотел было постучаться в дверь, но они уже знали о моём приходе. В комнату я вкатился почти что кубарем.

Когда я пришёл в себя и присмотрелся, то увидел знакомые лица: блондина, как оказалось, моложавого, Филиппа, но уже в очках. Не знал я лишь одного — мужчину лет сорока, полного, но нисколько не слабого. Наверное, это он меня зашвырнул в комнату, так что чуть не сбил меня с ног. Последний, в то время пока я размышлял, сидя на полу, с несвойственной ему живостью оглянувшись, не было ли за мной хвоста, и закрыл дверь.

Они, как ребёнка, посадили меня на какой-то стул. Сами расселись передо мной на диване всей троицей. Я ещё не успел прийти в себя.

— Не сильно ли ты его приложил? — спросил блондин у полноватого.

Ответа не последовало. Видимо, всем было ясно, что можно было и послабее.

— Почему ты пришёл? — спросил Филипп.

— Ты попросил, — ответил я простую истину.

— Но с чего ты взял, что это я? — Действительно, с чего? Ни подписей, ни инициалов на посылке не было, только пресловутое «Организация».

— Больше было некому, — сказал я фразу, которая сразу выдала во мне члена современного общества.

— Ну почему ты послушался?

— Не знаю. Наверное, не хотелось возвращаться к прошлой жизни. Да я бы и не смог уже в неё вернуться.

Тут лицо блондина выдало удивление вперемешку с уважением и каким-то жалостливым пониманием. Я такого не любил.

— Правильней ответа и не придумаешь, — удовлетворённо сказал Филипп и взглядом предложил блондину пересадить меня в кресло.

— Рад, что ведомый тебя не догнал, — сдуру ляпнул я, когда он пододвинул ко мне кресло.

— Ты агент или шпион? — сказал он, уже потянувшись за пистолетом.

— Нет, не похоже, — возразил толстяк. Наверное, это меня и спасло.

— Мистер Б, настоятельно рекомендую его отпустить, — возразил Филипп.

Они общались пока лишь инициалами. Мне они пока не доверяли — вполне естественная мера предосторожности, так что винить их было не в чем.

В этот момент я смог поподробнее рассмотреть блондина. Глаз его был полностью заплывший, видимо, после хирургических вмешательств. Хотя больше было похоже, что он удалил глазной имплант. Судя по всему, не в клинике. Было неясно, кем он был раньше: глазные импланты устанавливали многим — учёным в качестве микроскопа, врачам в качестве сканера или рентгена, в качестве портативной камеры.

Мои мысли перебил Филипп:

— Боюсь, мы не представились. — В своей полу-джентльменской манере начал он. — Мы куда более приветливы, чем это может показаться на первый взгляд. Блондина с очень сомнительными манерами зовут Билли, а толстяка, который так неуважительно швырнул вас через всю прихожую, зовут Рон. Ну а со мной вы уже знакомы. Я ещё вас уже представил, Макрен.

— Откуда вы знаете? Наверняка справки наводили в корпорации? — зачем-то спросил я.

— Не без этого. Но во всём важна осторожность, — спокойно ответил Филипп.

Тут тема резко переменялась. Рон задал вопрос:

— Ты часто проходил обновление в Шифроне?

— Да, очень часто, — ответил я.

Все трое переглянулись. Мне показалось, что блондин даже слегка покосился на меня.

Филипп неожиданно заговорил:

— Знаете ли вы, мой друг, что наш мозг используется всего на десять процентов? Поэтому при какой-либо условной травме или недуге он может легко переключиться на другие десять процентов. А теперь представьте множество нейронных связей, выстроенных на основе вашей занятости, предпочтений и опыта. И вот мы имеем чип, подобный такому, действие которого сейчас подавлено в вашей голове, за счёт чего ваша жизнь так изменилась. Он способен считывать информацию, заключённую в ваших нейронах, способен обрабатывать её, использовать, контролировать все процессы в организме и вызывать или подавлять чувства, а вместе с тем и влиять на ваше видение мира. А если вы захотите стать невыгодным, он способен перестроить вас, переписать воспоминания. Вы даже не заметите, как перестали быть собой в традиционной форме. Его можно заглушить с помощью такого колечка с определённым скриптом, но это лишь будет напоминать своеобразный «аспирин»: он вас не освободит, а только приглушит симптоматику.

Он сделал паузу, давая мне осмыслить услышанное, и продолжил:

— Освободиться всё-таки можно двумя способами. Первый — искусственная травма нейронов, вследствие которой ваш мозг выстроит новые, уже не подвергнутые контролю со стороны чипа. Но это явно нам не подходит — вы можете банально перестать быть собой. Второй — активное строительство новых нейронных цепочек с параллельным угнетением старых. Это значит, что вы будете приобретать всё новые и новые знания и навыки и параллельно активно терять старые. В этом вам может помочь чтение книг, на которое у вас вряд ли раньше было время, рисование, которым вы так недавно увлеклись, даже ведение дневника может вам в этом помочь. И скоро десять процентов вашего мозга, задетых влиянием чипа, снизится до восьми процентов, потом до четырёх, а потом уже и до двух.

— А что, если он уже переписанный? Мы же должны это как-то проверить? — не переставал беспокоиться о мерах предосторожности Билл.

— Я проверял. Биография его, просто частями скрытая, — ответил Филипп.

— В каком смысле? — переспросил я.

— У вас, друг мой, некоторые куски биографии как будто бы вырваны. Кто-то вас затирал.

— Это можно как-нибудь поправить? — отчаянно выяснял я.

— Есть один способ, но абсолютное возвращение памяти не гарантирую, да и метод этот больше экспериментальный, — неоднозначно ответил Филипп.

— А в чём он состоит?

— В лёгком угнетении нервной системы, — отвечал Рон. Видимо, он сам освободился именно таким способом.

— Какого плана?

— Такого, что я сейчас спущусь на пару этажей вниз, возьму у старушки снизу, которая мнит себя местной ведуньей, немного зверобоя и мака, приготовлю специальный отвар, и мы ненадолго «откроем» твой мозг. После чего посмотрим на реакцию нервной системы.

— Что значит «откроем»?

— Сделаем его более податливым для внешних раздражителей, — ответил толстяк. Напряжение не стихало.

— Мне всё равно неясно.

В этот раз никто не попытался ничего мне объяснить. Рон просто вышел и пошёл к ведунье. Пока его не было, Билл и Филипп о чём-то еле слышно переговаривались. О чём конкретно, я не понял, но в разговоре было чересчур много нейрохирургической терминологии. Наука эта была очень старая, почти уже вытесненная. Её я не изучал. Да и, если разобраться, образованным я не был. Скорее я был подготовлен под определённые задачи. Не очень простые, но и не очень сложные. Мне не давали дополнительной почвы для размышлений, но и вообще стать не позволяли. Видимо, меня сразу растили работником — без лишних идей, задатков и талантов. Ведь кому нужен умный инструмент, который задумается, что хорошо, а что плохо? Согласитесь, никому.

В раздумьях я даже не заметил Рона, который так скоро вернулся и стал варить своё снадобье. У него были разные причудливые кастрюльки, в которых он перегонял раствор, который, по его словам, «откроет» мой разум.

Когда всё было готово, он перелил это в кружку, перемешал и протянул мне. Не знаю почему, но я молча повиновался.

Зрелище наверняка было умопомрачительное! Снадобье оказалось очень горькой и плотной зелёной мутной жижей, больше напоминавшей мне болотную трясиину, нежели какой-либо напиток. Я попытался пить её залпом, но всё бестолку — из-за горького вкуса пилося тяжело. После того как я сделал последний глоток, рассудок мой помутился, свет как будто бы стал ярче и интенсивнее, голова закружилась, и в конце концов взгляд мой застлала тьма.

Когда я очнулся, все трое смотрели на монитор. Он был справа от меня. Сам я сидел в каком-то кресле, пока они рассматривали трёхмерную модель моего мозга, всячески вертели её и что-то моделировали. Тут я почувствовал вибрацию, исходившую прямо от головы. На голове я нащупал обод. Видимо, он и давал им нужную информацию.

Они повернули модель моего мозга так, что смотрели как бы на затылок.

— Продолговатый мозг уже освободился. Значит, мировосприятие не искажено, — подметил Филипп. Видимо, раньше он был врачом.

Тут на экране по левому полушарию прокатилась волна оранжевого цвета. Рон тут же принёс мне стакан воды и тазик. Меня слегка вырвало. Этот процесс тут же получил отражение на экране.

Затем я решил снять со своей головы кольцо, встать и пройти. Меня остановили. Но в полупохмельном бреду после этой жижи я не послушался. Тут же Филипп подметил:

— И опорно-двигательные функции ничем не нарушены.

— Зачем кому-то оккупировать двигательную систему офисного работника? — ответил Билл.

Тут все трое слышали грохот. Это я зачем-то всё-таки встал и тут же состыковался с землёй. Они усадили меня назад в кресло и снова надели на голову «обруч» — так они его называли. Как только он слетел с моей головы, картинка на мониторе потухла. Он был лёгкий, удобный и продолговатый по краям. На его окончаниях были две круглые бляшки. Их называли «лапы». Лапами обруч держался прямо за мои виски.

Все снова вернулись к монитору. После чего Филипп нажал кнопку. На экране высветилась надпись: «Диагностика запущена». Обод плотнее прихватил меня за виски и завибрировал.

«Активны 9,98% черепно-мозговой коры» — эта короткая фраза обрадовала всех присутствующих, кроме меня. Я один не понимал, что это значило.

Даже самый назойливый и предвзятый, как мне казалось, Билли сказал:

— Отлично, его можно перестраивать.

Они снова начали рассматривать изображения и подмечать что-то для себя. Но мне почему-то казалось, что по-настоящему понимал все эти проекции лишь один Филипп. Для

всех остальных это был просто снимок мозга, на котором постоянно бегали туда-сюда оранжевые волны.

Тут Филипп ещё пару раз повернул трёхмерную модель, отметил что-то на листочке, сам для себя это задокументировал — теперь не было сомнений, что раньше он был врачом. И подошёл ко мне, чтобы высказать свой диагноз.

— Многие зоны мозга подвергались угнетению со стороны имплантата в течение, по-видимому, нескольких лет. Сильно пострадали гиппокампус, префронтальная кора и миндалевидное тело. Причём гиппокампус, как мне подсказывает опыт, был искусственно выключен. У тебя часто случались проблемы со сном?

— Как перестал питаться с пищевода — это был прибор, выдававший пищу после того, как ты прикладывал к нему свой маркер, формальный обмен часов, проведённых в офисе, на еду, ещё один эквивалент эффективности моего труда, — с того момента и начал страдать хронической бессонницей.

— Отлично, — иронично, как мне показалось, ответил Филипп.

— Как это отлично?

— Значит, скоро ваш организм сам начнёт вырабатывать мелатонин. Еда из пищевода больше не понадобится.

— Почему?

— Мой опыт подсказывает мне, что организм, хоть и является лишь переноской для твоего мозга, но глупым не является. Когда ты начинаешь получать переработанные ресурсы извне, он сразу же разучится их производить. Так же и со сном: твой организм перестал вырабатывать мелатонин лишь потому, что ты получал его синтетический аналог. Так что, если его поступление прекращается, организм снова должен сам вырабатывать нужные вещества. И скоро он это поймёт. Так что мучиться бессонницей осталось недолго. Ещё один вопрос: ваше видение мира изменилось?

— В каком смысле? — не знаю для чего переспросил я. Ведь прекрасно понимал, о чём он.

— Например, что-то перестало быть таким же ярким для вас, как было до нашего знакомства. А что-то, наоборот, начало нравиться.

— Вообще всё, что мне раньше нравилось — ну или мне так лишь казалось, — сейчас кажется каким-то серым и будничным. Зато наоборот, мне стало нравиться смотреть на океан и звёзды, на луну. Порой я даже пытаюсь их изобразить.

— Насколько я знаю, в вашем случае, как и в случае всех офисных работников или людей, связанных с математическими вычислениями, сильнее угнетена левая часть мозга, в то время как правая — переразвита. И ещё один вопрос: помнишь ли ты детство?

Почему-то я не ожидал этого вопроса. Меня охватило волнение. Я остолбенел. Ответить мне было явно нечего. В это время по модельке мозга прокатывались одна за другой волны.

— Ясно, — сказал Филипп. Он ничуть не волновался. Для него это было максимально предсказуемо. Видимо, я был далеко не первым, кто не смог ответить на этот вопрос.

На этом осмотр закончился. С меня сняли обод. Рон налил мне чай, который готовил из трав, взятых у знахарки, обитавшей на несколько этажей ниже. Спустя полкружки я снова стал приходить в себя. Нега в теле прошла, а ум постепенно прояснился.

Когда я окончательно пришёл в себя, мне стали намекать, что пора расходиться. Мне дали ещё трав и несколько книжек, по-видимому очень занятных. В конце вечера я почему-то решил спросить:

— А кто вы такие вообще?

— Мы лишь необходимая балансировка, частичный остаток прошлого, которое настоящее с удовольствием задушило бы. — Филипп всегда умел отвечать на вопрос так, чтобы лука-

вить, но делать это частично и аккуратно. Давать частичный ответ, но и не утомлять враньём собеседника. — Другая сторона весов, не более того.

— И когда ты выйдешь отсюда, всё должно остаться так же. Сугубо между нами, — добавил Билл, который всё ещё не переставал во мне сомневаться. — И смотри, не забреди по дороге никуда!

До двери провёл меня он же. Когда я уже стоял в коридоре, добавил:

— Надеюсь, мы друг друга поняли.

После чего захлопнул дверь.

Странно, но пока я шёл до лифта, я всё думал про его глаз. За время общения с ним я точно убедился: глаз Билли — это не травма, а снятый глазной имплант. Глаз не мог сам так деформироваться. Впадина, разделяющая глаз ровно на две половины, — точно хирургическое вмешательство.

Я дошёл до лифта. Позади слышались шаги. Попутчиков я не хотел, поэтому дожидаться не стал.

Когда я был уже дома, я не мог заснуть. Из головы не выходила эта троица. Всё вспоминались они. В самом деле, никогда не мог себе представить, что противники строя выглядели вот так. Филипп — образованнейший человек, эрудит широких взглядов, член комиссии директоров по развитию. Блондин с бельмом на глазу, как будто прошедший солдатскую муштру. И толстяк, который лишь кажется простым — ну или пытается, по крайней мере сегодня у него это не вышло.

Но тем не менее в последнее время такая компания, наверное, была всем, о чём я мог мечтать. Люди, с которыми можно говорить обо всём, от которых не ждёшь доноса в Нейролинкер, и которые слушают не чтобы ответить, а чтобы понять. Наверное, это было первое неформальное общение с кем-то кроме Рэкхэма. Это можно было даже назвать дружбой. Я впервые говорил о своём прошлом, о себе, о своих чувствах. И почему-то мне было от этого хорошо. В обществе, которое последнее время до того разобщено, где все, кто выше по должности, презирают тебя, а кто ниже — завидует, самый главный наркотик — простое человеческое общение. Найди себе подобное. Даже ИИ не мог такого предложить.

Я сам не заметил, как задремал.

Лишь одиночество,

Для техники оплот,

Прыжок нас вёл к падению,

Так бесчестно толкнул нас к разобщению,

Лишь в хаос верит новый Моисей,

И к хаосу ведёт...

Глава 4 — Воспламенение

Билли говорил, что книга изменена до неузнаваемости. Он говорил, что у Иисуса не было чипа, и что он ничего не имел против свобод. Что он боролся с грехом, а не поощрял его. Да если бы он увидел, как трактуют его слово сейчас, он наверняка ужаснулся бы. Но в Бога Билли не верил. Он постоянно говорил мне о боге в себе, о медитациях, о самопознании, о разговорах с собой. Также он рассказывал мне о других духовных практиках.

Позже мне раскрыл его историю Филипп.

Билли стал участником одной из корпоративных войн. Там он получил ранения и вернулся уже другим человеком. Потом у него начался психоз. Он стал шататься по улицам, почти

стал бездомным. Тогда Филипп его и встретил. Помог ему снять все импланты. Конечно, это было нелегально, и чип они тоже удалили. Порой Билли подхрамывал на левую ногу — под одеждой было незаметно, но нога была цельнотитановая. Такие импланты устанавливали без лицензии, и их можно было легко пересобирать, зная, что при этом не нарушаешь ни одного закона.

Сам Филипп за времена, пока учить и учиться новому можно было по своему желанию, успел многое. Раньше он был профессором. Преподавал информационную безопасность, при этом сам любил литературу и искусство. На полках у него стояли тучи книг — без цензуры, настоящие, в первом издании. Они были своеобразным приветом из прошлого, ещё не очернённого настоящим. Сам он тоже писал, но не художественные произведения, а небольшие заметки. Всё равно творить было не для кого, но растрачивать попусту остроту ума причиной это не было. Как ни странно, писал я очень плохо. В основном в офисе я больше диктовал, да и то редко. В основном это была бумажная волокита или монотонные вычисления.

Билли рассказал, что в определённый момент от образованных людей стали избавляться. Они стали основной угрозой существующего строя. Они совершили главное преступление против настоящего — помнили прошлое, могли его описать, а ещё хуже — оставить в строках. Профессор — так называл Филиппа Билл — просидел около двух недель в изоляторе распределительного центра, а потом случайно вышел из-за новой поправки. За то время, пока он был на свободе, он успел подделать личность. Старые знакомства ему в этом помогли. Но насовсем исчезнуть с радаров он не смог. Его снова поймали, но на этот раз вместо одного кнута предложили ещё и пряник: либо ссылка на плавучее производство, либо работа в Нейролинкере. Конечно, он выбрал второе. Друзья близко, враги ещё ближе.

После этого разговора Филипп прошелся по комнате, сел за компьютер — хотя общепринято он назывался вычислительной машиной старого времени, — что-то пропечатал на клавишах, после чего его внешность резко изменилась. Из старичка он превращался в молодого парня и наоборот. Подобного рода вещи он проделал при нашем первом знакомстве.

Поближе я познакомился и с Роном. По рассказам, всё детство он провёл на ферме, которую не затопило — а такое было большой редкостью. Позже корпорации стали расширяться, начали вводить контроль качества пищи. Хорошей пищей считалась та, которую производили они. Этим они думали лишить фермеров экономической самостоятельности. Но так как за лишними благами фермеры не гнались, а всё себе нужное производили сами, план провалился. Тогда компании приступили к более радикальным мерам: они понижали стоимость ферм, выкупали их по дешёвке, а тех, кто не хотел продавать, отодвигали «законным» способом.

Ферму родителей Рона просто сожгли. Они не успели вывести всю скотину, поэтому часть её сгорела живо. Рон говорил, что до сих пор помнит эти звуки — какое-то отчаянное мычание, как мольба, монотонная и постепенно нарастающая. С тех пор для него агенты хуже ведомых, потому что ведомые руководимы Агентотделом, от чего не задумываются, что делать. После очередной поправки в диктате детей стали забирать у родителей. Рона это тоже не обошло. Он оказался в муниципальном интернате, откуда корпорации набирали себе работников по способностям. Рон специально заваливал тесты, чтобы оставаться здесь. Так он дотянул до шестнадцати лет. После чего его забрал профессор. Способности у Рона всё-таки были, пускай он и тщательно их скрывал.

Почти всё свободное время я проводил у них. Днём я брал книги у Филиппа, шёл к себе читать, а вечером возвращался к ним. Именно в такие вечера я с ними и знакомился по-настоящему. Впервые за двадцать лет у меня появилось ощущение, что я занят чем-то важным. У меня впервые появились единомышленники. Даже не побрезгую употребить этот антикорпоративный термин — друзья.

Благодаря случайной встрече — а точнее двум — я наконец-то начал понимать хотя бы что-то. Начал видеть, как тысячи бесправных, по-рабски услужливых, волочат своё существование во благо кого-то. Хотя для них оно кажется чем-то невероятным. Им даже в голову не может прийти, что они живут плохо, и что у строя где-то есть противники, пока ещё не заявившие о себе.

Сравнить я их могу лишь с животными, выращенными в зоопарке. Родители их были дикими — наверное, под словом «дикий» в этой аллегории скрывается смысл слова «невыгодный». Они были выловлены из дикой природы и отчётливо понимали, что зоопарк — тюрьма, а люди, которые их кормят, делают это не из добрых побуждений, а лишь из личной выгоды, эксплуатируют их ради наживы. Но животные, которые росли уже в зоопарке, не знают о дикой природе. Им кажется, что их кормят, убирают клетки, содержат их в чистоте только из добрых намерений. И со второго поколения аналогия «зоопарк — тюрьма» уже не проводится, ведь свобода существовала лишь в памяти прошлого поколения, а для нового поколения зоопарк — родной дом.

Вот в таком зоопарке жил я, пока меня не перепрошил профессор и не подарил мне тем самым возможность ясно мыслить. Откатил меня до первого поколения. Не знаю, был ли он сам из него, но в его памяти явно ещё аккумулировались мысли о свободе.

Я старался отвлекаться от своих размышлений. Порой получалось, порой нет. Филипп всё это видел. Однажды вечером он подошёл ко мне и сказал:

— Я подарил тебе возможность видеть. Не чтобы ты изводил себя изо дня в день.

Порой я задумывался, что стало причиной появления неравенства. Жадность? Но что стало причиной появления жадности? Наверное, неравенство.

На это он отвечал:

— Боюсь, это и есть столпы человеческого общества. Так сложилось очень давно. Но всегда находилось сопротивление.

В такие моменты я думал: если бы не диктат, кем бы мы были? Мы бы наверное даже не встретились. Рон бы спокойно вёл свою ферму, помогал родителям. Профессор бы вёл лекции. Билли наверняка вляпался бы в какую-нибудь историю — видимо, война никого не отпускает и не прощает, а может быть, он бы туда не попал. Что бы делал я? Наверное, провёл бы всю свою жизнь в офисе. Потом вошёл бы в статистику смертности в результате суицида офисных рабочих. В общем, ничем бы и не выделился. Прожил умеренную, серую жизнь. А теперь у меня хотя бы был шанс отличаться. Тогда этого не было — до встречи с Филиппом.

У них у всех было что-то, чего не было у меня. Странно давило на меня это ощущение пустоты. Им что-то нравилось, они что-то помнили, они знали, чего хотят. А я не знал. Неопределённость — она, мне кажется, навсегда за гранью человеческого понимания. Её не обложить эквивалентом. Её не задокументировать. Да и есть ли она вообще? Она как цифра ноль. Ею можно апеллировать, но сделать с ней ничего нельзя. Но тем не менее и отрицать тоже не получится.

Я пытался вспомнить, что я любил в детстве. Но напрасно. Не помнил я ни себя в прошлом, ни детство. Всё как будто бы в тумане — очертания, образы, ощущения. Но я не могу собрать их в единую картину. А они одновременно есть, и их одновременно нет.

Меня сместило то, что порой я думал, будто меня родила или собрала корпорация. Одно из его предприятий неустанно трудилось ради того, чтобы я появился на свет. А теперь я должен отплатить. Вместо этого я совершаю антикорпоративную деятельность, которую необходимо будет пресечь. Методы пресечения пока не определены, но я всё равно пожалею о своём выборе.

Память затирали всем. Как позже объяснил профессор, это было более чем обычной процедурой: по достижении восемнадцати лет часть гиппокампуса удалялась, туда же вживлялся

чип. Как корпоративные хирурги выяснили, что и куда вживлять, и как организм и его ткани будут взаимодействовать с куском металла, я и знать не хотел.

Я читал книги. Ум становился всё яснее и острее. Читал я разное: от книг по психологии до нотных тетрадей, которые откуда-то были у Филиппа. Очерки, мемуары, проза, даже научные работы — всё я впитывал. Из всего хотел я черпнуть то, что без помощи никогда бы не узнал. Но всё это как-то ускользало от меня.

Когда мозг освободился до двух процентов поражённой коры от искажённых чипом нейронов и восьми активных, я наконец-то достиг нужного результата — состояния, к которому стремился. Профессор снова усадил меня на то же кресло. На меня надели обод. В этот раз он был смазан каким-то жидким, противным, но всё равно необходимым веществом. Холодные лапы снова обхватили мои виски, на секунду завибрировали. Я понял, что тело меня не слушается. После чего окончательно ушёл в забытье.

Ночной костёр ущелья не потух,

И снова тёплым пламенем он освещает стены,

На камне коих я оставил след,

И не забыты старого бытия темы,

Но и не растаял лёд,

Которого осколки изранят ещё многих...

«Стимулированный сон», как называл его профессор, представлял собой маленький и тесный мирок. Всё в нём было криком души, но я не мог понять — моей или чужой. В моём сне гуляли образы, аккумулировали понятия, звучала музыка. Я не помнил часть. Что-то я узнавал, что-то казалось не моим. Мне казалось, что я — это два разных человека. Один сейчас сидит в кресле с обручем на голове. А второй — через призму собственных сновидений — глядит на самого себя.

Глава 5 — Хаймве

Вдруг я оказался один. Мне стало казаться, что я одновременно сижу и лежу. Я попытался подняться, но поднялся я лишь во сне — настоящий я сидел сейчас неподвижно. По телу расходилась приятная нега. Вокруг меня песок, за ним идут волны. Внезапный ветерок обдаёт меня летней прохладой, неожиданной, и от этого такой приятной. Я приоткрыл глаза. В зените стоит солнце. Мы смотрим друг на друга. Оно не обжигает мои глаза, позволяет мне взглянуть на него — идеально ровный круглый диск, вокруг него несколько маленьких ободков света, они всё колеблются. Солнце было какое-то мягкое. Всё здесь было мягким. Одновременно любимое и памятное.

От этого на душе становилось отчасти тоскливо и одновременно радостно. Я почему-то испугался чувств, захотел поскорее избавиться от обруча, протянул руку и хотел было его сдернуть. Но рука мне принадлежала только во сне. Она тут же грохнулась на песок. Её обдало теплом. Песок за мгновение впитал её в себя. Я встал. Ноги мои мгновенно обожгло, но боль эта была чем-то родным. Я пошёл по побережью, лазурно чистая вода, на песке под ней играют лучи, везде яркое солнце, сеточки отражений. А внутри этого мира лучей и тепла, ими подаренного — я, уже давно одинокий, позабывавший, что такое тепло, радость, чувства, да и в общем обо всём, что действительно важно. А это место напомнило мне всё то самое важное. Я был здесь. Я не помню когда, я не помню почему, но точно знаю: это место для меня нечто большее, чем вода и песок. Это место и есть крупица меня. Я изо всех сил всё это время к нему тянулся, а теперь восстановил его в своей памяти.

Я шёл и чувствовал, как песок проминается под моими ступнями. Каждый шаг оставлял след — и след этот не исчезал мгновенно, как в моей прежней жизни. Он оставался, пусть на секунду, но оставался. Я остановился. Опустился на колени, потом сел, чувствуя, как горячий песок принимает вес моего тела. И в этот момент я понял, как же я устал.

Не просто физически — той тупой усталостью, что копилась годами в офисе, когда я вставал, шёл, работал, возвращался и снова вставал. Нет. Я устал по-настоящему. До костей. До самой сути. Словно всё это время я бежал, даже не зная, что бегу, и только сейчас, когда сел и позволил себе остановиться, я осознал это. Мышцы, которые я не чувствовал годами, вдруг занули. Глаза, которые привыкли смотреть сквозь, вдруг зажглись болью от яркого света. Голова, которая всегда была заполнена чужими мыслями, чужими планами, чужими голосами — опустела. И в этой пустоте я впервые услышал себя.

Я лёг на спину. Песок был горячим, но не обжигающим. Он держал меня, как когда-то держали руки матери — я не помнил этого, но чувствовал, что так должно быть. Я смотрел в небо и дышал. Просто дышал. Вдох — выдох. И каждый выдох уносил с собой кусочек той тяжести, которую я носил внутри, сам того не замечая. Я не знаю, сколько я так пролежал. Минуту. Час. Вечность. Время здесь текло иначе — оно не торопилось, не давило, не напоминало о дедлайнах и сменах. Оно просто было.

И в этой тишине я впервые задумался: когда я в последний раз просто лежал и ничего не делал? В детстве? В другой жизни? Я не мог вспомнить. Но теперь я делал это. И это было самое важное, что я сделал за последние годы.

Я закрыл глаза. Солнце светило сквозь веки, окрашивая мир в тёплый оранжевый. Где-то вдалеке шумели волны — мерно, успокаивающе, как дыхание огромного живого существа. Я чувствовал, как моё тело медленно отпускает напряжение. Как плечи опускаются, как челюсть разжимается, как пальцы рук, сжатые в кулаки, распрямляются. Я дышал. И с каждым вдохом я становился легче. Словно с меня снимали слои — слой за слоем. Сначала офисный костюм, который я носил не на теле, а в голове. Потом нейролансер, который всё ещё казался ухом, хотя его там уже не было. Потом страх. Потом привычка бояться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.